

© 1991 г.

ПЮРБЕЕВ Г. Ц.

К ТИПОЛОГИИ РАЗВИТИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЙ
В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Для решения проблем сравнительно-исторической грамматики монгольских языков, разработки вопросов формирования литературных языков, установления преемственности в их развитии и определения инноваций исключительно важное значение имеет всестороннее изучение разных в хронологическом и жанровом отношении старописьменных текстов. Благодаря трудам Б. Я. Владимирцова, Ц. Жамцарано, С. А. Козина, Н. П. Шастиной, Ц. Дамдинсүрэна, П. Пеллио, А. Мостэра, Ф. Клявза и других выдающихся ученых, заложивших основы источниковедения и монгольской палеографии, современная монголистика располагает богатым и ценным опытом историко-филологического анализа летописных сочинений, относящихся ко всем периодам развития письменного монгольского языка [1]. Особенно хорошо исследован язык таких крупных исторических хроник и литературных памятников, как «Сокровенное сказание монголов» (XIII в.) и «Алтан тобчи» (XVII в.). Кроме специальных монографических работ Джона Стрита [2] и М. Н. Орловской [3], существует немало публикаций, посвященных лингвистическим аспектам указанных летописей, в частности фонетическим, лексическим, грамматическим, а также этимологии и семантике некоторых терминов и устойчивых фраз. Об этом свидетельствуют, например, статьи Э. Хениша [4], А. Мостэра [5], П. Пеллио [6], М. Н. Орловской [7], М. Гаадамба [8]; см. также [9] и др.

В языковом отношении большой интерес представляет синтаксис древних текстов, данные которых, по мнению Г. Дёрфера [10], позволяют говорить о закономерных сдвигах, происшедших в структуре словосочетания и предложения монгольских языков. Здесь следует отметить, что абсолютное большинство исследований по вопросам так называемого «малого» синтаксиса построено на материале современных литературных языков: халха-монгольского, бурятского, калмыцкого и внутренимонгольского. Синтаксис же словосочетаний бесписьменных монгольских языков — баоаньского, дунсянского, монгорского и др. — охарактеризован пока в самом общем виде, вследствие чего область словосочетаний продолжает оставаться в монголоведении актуальной, особенно с точки зрения историко-сравнительного изучения. Именно поэтому наши наблюдения над процессами изменений монгольского синтаксиса ограничиваются в данной статье рамками словосочетания.

Сопоставление материала письменных памятников с соответствующими фактами живых монгольских языков и диалектов дает возможность наметить некоторые тенденции в развитии словосочетаний, выявить индивидуальные черты в их строении и характере употребления. На основании анализа конкретного материала можно констатировать, что монгольские языки, обладая большим единообразием в отношении моделей сло

восочетаний, их набора и построения, в то же время во многих случаях расходятся друг с другом. Дивергентные процессы в системе словосочетаний монгольских языков обусловлены, с одной стороны, особенностями внутреннего развития грамматической системы каждого из родственных языков, а с другой, — культурно-историческими условиями их эволюции, инновациями, возникшими на почве неоднородного характера языковых контактов. Дифференциация моделей словосочетаний в родственных языках объясняется также количественными расхождениями в морфологических средствах их выражения, различным синтаксическим использованием именных и глагольных форм.

К числу важнейших факторов, повлиявших на характер изменений в системе словосочетаний монгольских языков, на наш взгляд, необходимо отнести: 1) полный или частичный выход из употребления некоторых моделей в связи с архаизацией отдельных словоформ, а также утратой явления согласования; 2) перестройку грамматической структуры словосочетаний ввиду изменения прежних синтаксических связей имен и глаголов; 3) интенсивный рост продуктивности одних конструкций и спад в употреблении других, вызванные определенными колебаниями социальных потребностей в том или ином способе синтаксической номинации; 4) расширение или, наоборот, сужение валентности лексем и появление словосочетаний-неологизмов под влиянием контактов с иносистемными языками и в результате билингвизма.

Переходя к историко-сравнительному описанию языковых фактов, подтверждающих реальность отмеченных выше явлений, целесообразно прежде всего остановиться на характеристике тех моделей словосочетаний, структура которых подверглась вполне определенным модификациям и которые, не будучи универсальными, представлены в нескольких или отдельных монгольских языках, как письменных, так и бесписьменных.

Изменения в системе атрибутивных словосочетаний. Известно, что словосочетания с определительно-притяжательными местоимениями 3 л. ед. и мн. числа, выражающие отношения принадлежности, встречаются исключительно в памятниках среднемонгольского языка: *ани уруг* [11, § 165] «их род» *ино иркен* [11, § 208] «его люди, народ», *ани батысан* [12] «их город». После XIV в. указанные местоимения потеряли способность выступать в препозиции к определяемому имени и, лишившись статуса самостоятельных слов, превратились в постпозитивные частицы субъектного притяжания со значением «его, ее, их». Из современных монгольских языков только дагурский продолжает удерживать словосочетания с притяжательными местоимениями 3 л., например: *ānī tar'a* «их поля», *ānī nīrd* «его (ее) спина» [13].

В ходе развития монгольских языков вышли из употребления словосочетания с формами причастия буд. времени на *-gun / -kun*, характерные в основном для памятников среднемонгольского языка XIII—XIV вв. В текстах на классическом монгольском они встречаются реже и причём в более ранних сочинениях. Ср., например: ср.-монг. *čerik qarqaquq medeki čerbi* [11, § 233] «чербий, ведающий выделением войск», *niken ūquq usun* [14, с. 85] «один глоток воды», классич. *qadquldaqun edür* [15, 1, с. 138] «день сражения», *irekün arad* [15, 1, с. 152] «араты, которые придут».

Ограниченность словосочетаний с причастием на *-gun / -kun* в монгольских памятниках XVII в. можно объяснить утратой согласования в числе указанной причастной формы с определяемым словом, — явления,

весьма показательного для текстов более древней поры [3, с. 114]. На угасание данного типа словосочетаний повлияло также и то, что причастие на *-qin / -kun*, перестав употребляться в атрибутивной функции, перешло на обслуживание сказуемого [7].

Не сохранились в современных монгольских языках и словосочетания с формами причастия буд. времени на *-qui / -kui*, которые имеют место в среднемонгольском, классическом монгольском (включая старобурятские тексты), а также в ойратском письменном и старокалмыцком языках: *dūlqaqui iarlig* [16, с. 34] «ярлык для всеобщего оглашения», *ülü širkekui idee* [11, § 201] «несваримая пища», *andačilaqui üge* [15, I, с. 64] «слова побратимства», *ködölküi šüdü* [17, с. 57] «шатающийся зуб», *quil-yalaxui āya* [18, с. 113] «чаша для сбора подаяния».

Архаизация и последующая субстантивация причастий с суффиксами *-qui, -kui* привели к разрушению словосочетаний, построенных с их участием, и к устранению их из синтаксической системы современных монгольских языков и диалектов. В современном монгольском литературном языке бывшие причастия на *-qui / -kui* стали осмысливаться как абстрактные существительные старокнижного происхождения, например: *ᠮᠠᠨᠠᠯᠠᠵᠤ* (ср. *ангила*) «классификация», *ᠰᠡᠮᠡᠭᠦ* «мышление» [19].

В современных монгольских языках словосочетания с качественными прилагательными, образованными посредством суф. *-tan / -ten*, почти сошли на нет, если не считать традиционных, к тому же единичных примеров типа: монг. *хоротон араатан* «хищные звери», *өстөн дайсан* «ненавистный враг», *хэрэгтэн этгээд* «преступный элемент»; бурят. *арьятан амитан* «хищное животное», калм. *хумстн ац* «когтистый зверь». Словосочетания этого типа употребляются в самых разных памятниках, особенно ранних: ср.-монг. *itekellen haran* [11, § 149] «надежный, вызывающий доверие народ», классич. *serelten irgen* [15, I, с. 130] «осторожные, бдительные люди», ойрат. *erketen kiyandar* [20, с. 44] «наделенные властью телохранители, пажи».

Утрата прилагательных на *-tan / -ten* объясняется двумя причинами. Во-первых, тем, что при указании на признак или качество они постоянно перекрещивались с синонимичными прилагательными на *-tu / -tü* и *-tai / -tei*, которые со временем полностью вытеснили их из сферы словосочетаний. О существовании прилагательных на *-tan / -ten* и прилагательных на *-tu / -tü* свидетельствуют такие факты, когда рядом употребляются обе формы. Приведем пример из «Алтан тобчи», где на одной и той же странице встречаются словосочетания *qoortan dayisun* «злой, коварный враг» и *qoortu moyai* «ядовитая змея» [15, I, с. 76]. Во-вторых, суф. *-tan / -ten* со временем лишился функции показателя мн. числа прилагательных, что естественно привело их к субстантивации, в результате чего данный показатель стал выражать собирательное значение [21—23]: монг. *сэгээтэн* «интеллигенция», *сүсээтэн* «верующие», бурят. *изагууртан* «1) родовитые, знатные; 2) род, знать», калм. *жуэртн* «пернатые».

Если в памятниках среднемонгольского языка явление согласования различных видов определений (местоименных, качественных, причастных) носило более или менее регулярный характер, то в текстах на классическом монгольском и ойратском письменном языках оно стало быстро исчезать, встречаясь спорадически в составе некоторых атрибутивно-именных словосочетаний: ср.-монг. *ede doйдid* [16, с. 91] «эти буддисты-даосцы», *usutan muret* [11, § 270] «многоводные реки», *teliekset köüt* [11, § 74] «вскормленные чада», классич. *tede merkid* [15, I, с. 52] «те меркиты», *ülegsed čerigüd* [15, II, с. 73] «оставшиеся войска», ойрат. *tede urud sadan-*

ногюуд [17, с. 104] «те родственники». В виде синтаксических архаизмов и древних реликтов согласование наблюдается в бурятском, монгольском, дагурском и дунсянском, в частности в словосочетаниях с указательноместноименными определениями. Ср.: монг. *эдгээр ажлууд* «эти работы», *тэдгээр гүжүүс* «те люди», бурят. *тэдэ удэрнууд* «те дни», *шимэнууд үгэнууд* «такие слова». В некоторых говорах бурятского языка (хоринском, агинском, качугском) сохраняется такое пережиточное, аномальное явление, как согласование качественных прилагательных [24, 25], которые в условиях национально-русского двуязычия бурят получает импульс к возрождению и развитию на почве литературного языка: *томоууд нюдэд* «большие глаза», *сагаанууд хонид* «белые овцы», *заримад шубууд* «некоторые птицы» [26].

Употребление определяемого имени во мн. числе при количественном определении было широко развито в языке монгольских письменных памятников доклассического периода: ср.-монг. *qūcin emes* [11, § 124] «тридцать женщин», *dalan toqoot* [11, § 129] «семьдесят котлов», *dolan öbüget* [14, с. 143] «семь старцев». В памятниках классического монгольского языка, а тем более в ойратском письменном, старобурятских и старокалмыцких текстах указанный выше грамматический прием связи членов количественно-определятельных словосочетаний встречается лишь изредка и скорее как дань традиции: *qoyar tümen čerig-üd* [15, II, с. 57] «два тумена войск», *doluγan od* [15, II, с. 85] «семь лет», *γurban erdenis* [27, с. 371] «три драгоценности», *γurban nöküđ* [18, с. 153] «три товараща».

Что касается современных литературных монгольских языков, особенно бурятского и калмыцкого, то в них определяемое имя при наличии количественного определения может допускать оформление во мн. числе. Так, в калмыцком языке определяемое существительное может употребляться как в ед., так и во мн. числе, если между ним и определением-числительным имеется другое определение, выраженное прилагательным: *хүрэн сэгэлн күүкн* (күүкд) «три красивые девушки», *миңһн цаһан хөн* (хөд) «тысяча белых овец». В бурятском литературном языке в словосочетаниях с количественным числительным определяемое существительное нередко выступает с формантом мн. числа: *хоёр хүбүүд* «двое ребят», *мянган боти номууд* «тысяча томов книг» [28].

Как известно, монгольские числительные с конечным -н, находясь в позиции определения, как правило, сохраняют его. Однако в языке «Мукаддимат ал-Адаб», отражающем фонетические особенности средневековой монгольской речи, иногда наблюдается его опущение: *yisü nasu-tu tetēn* [14, с. 391] «девятилетний верблюд». Подобное явление имеет место в бурятских словосочетаниях *хори наһатай басаган* «девушка двадцати лет», *гурба линейнэ винтовко* «трехлинейная винтовка», *гуша бухал* «тридцать копен».

В хорчинском говоре языка монголов Внутренней Монголии отмечены случаи, когда перед числительным *јүс*(ен) «девять» предшествующее ему числительное утрачивает конечный -н [29, с. 34]: *гушин тав* «тридцать пять», но *гуш јүс*. Количественное определение, как все другие виды определений, в монгольских языках всегда предшествует определяемому. Эта общая закономерность нарушается лишь в словосочетаниях изолированных, или «островных», монгольских языков. Так, в баоаньском и монгорском языках, распространенных на территории КНР, определено- и неопределенно-количественные числительные, употребляясь в функции определения, занимают постпозицию [30, с. 122]: бао. *хонэ тавараң*

«пятьдесят овец», *шу олоң* «много книг», монгол. *абур гурбаң* «три дочери», *чиге ниге* «один цветок».

Обращает внимание тот факт, что в памятниках среднемонгольского и классического монгольского языков встречаются словосочетания с семантикой «целое — часть», в которых зависимый компонент, обозначающий весь предмет, оформляется двумя разными суффиксами род. падежа — *-in* и *-un / -ün*. Ср.: *emēlin* и *emēlün büürge* [14, с. 154] «лука седла», *čadar-n qatasun* «кол шатра» и *čadarun dēsün* [14, с. 130] «веревка шатра». Аналогичные явления наблюдаются также в ойратских и старокалмыцких текстах. Ср.: *uuliyin oroī* [18, с. 33] и *uulān orgil* [18, с. 35] «вершина горы». Судя по данным современного калмыцкого языка, во втором из приведенных синонимических словосочетаний оформление существительного суф. род. падежа *-ān* носит диалектный характер. В старобурятских текстах на классическом монгольском языке в словосочетаниях данного типа имя в род. падеже, передающее значение целого, после основы, оканчивающейся на гласный, принимает падежный показатель *-u / -ü* вместо *-yin*: *qoni-u segül* «хвост овцы» [27, с. 321].

В таком типичном памятнике среднемонгольского языка, каким является «Мукаддимат ал-Адаб», зафиксированы примеры единичного употребления зависимого компонента словосочетаний, выражающих отношения целого и части, в род. падеже с суф. *-i* после основ с конечным согласным, кроме *-n*. Ср. *dēli kesek* «кусочек шубы» и *dēlün qoimar* [14, с. 141] «подол одеяния». В отдельных памятниках классического монгольского языка, в частности в «Алтан тобчи», спорадически встречаются притяжательные словосочетания, в которых атрибутивный компонент, обозначающий материал или вещество, из которого изготовлен предмет, ставится в род. падеже, например: *kerem-ün degel* [15, I, с. 106] «беличья шуба», *qabırqa-yin dung būriye* [15, II, с. 182] «труба из раковины». В современных монгольских языках атрибутивное имя, обозначающее материал, из которого сделан предмет, употребляется только в форме основы, примыкая к определяемому слову. Ср. монг. *чонон даз* «волчья доха», бурят. *булган малгай* «соболья шапка», калм. *модн ааһ* «деревянная чашка». В связи с этими примерами небезынтересно отметить случаи, когда в памятниках среднемонгольского периода вместо ожидаемой полной основы, обозначающей предмет сравнения, появляется вторая, или неполная, основа без *-n*. Так, в словаре «Мукаддимат ал-Адаб» читается *dabusu* (не *dabasun!*) *üge* «едкое слово» (букв. «соль слово»), *dabasu ügetü* [14, с. 55 и 137] «с едкими речами». Данное словосочетание в несколько измененном виде и значении существует в современном калмыцком языке: *давста үг* «солёное слово» (букв. «с солью слово»).

Изменения в системе адеквативных словосочетаний. В памятниках среднемонгольского языка отмечаются случаи употребления словосочетаний, в которых прилагательное управляет существительным в местном падеже, ныне омертвелом. Так, в тексте «Сокровенного сказания» встречается следующее адеквативное словосочетание: *ideen-e baruq* [11, § 46] «жадный до пищи, прожорливый». В связи с данным примером следует заметить, что в современных монгольских языках чет прилагательного *baruq* «жадный в еде», хотя указанное значение этимологически вполне объяснимо: здесь налицо словообразовательный суф. *-q*, который присоединяется к основе глагола *baru-* «кончать, исчерпывать».

В некоторых словосочетаниях с приадеквативным дат. падежом существительного прилагательное лишилось возможности управления, что вызвано его субстантивацией. Ср. классич. *adiyusun-dur amaraq* [15, I, с. 130]

«любящий животных, питающий любовь к животным». В современных монгольских языках прилагательное *амараг* «милый, любимый, возлюбленный» выступает только в составе атрибутивно-именных словосочетаний, построенных способом примыкания: монг. *амараг нөхөр*, бурят. *амараг нүхэр*, калм. *амрг нээж* «милый, друг, возлюбленный (-ая)».

В отдельных случаях происходит изменение падежного управления. Например, в современных монгольских языках прилагательное *баян* «богатый» способно управлять только орудным падежом имени, тогда как в языке письменных памятников оно может управлять дат. падежом существительного. Ср.: ойрат. *ed tabar-tu bayan* [17, с. 171] «богатый имуществом» (букв. «в имуществе богатый»), монг., бурят. *малаар баян*, калм. *малар байн* «богатый скотом». Кроме того, в языке письменных памятников можно встретить словосочетания с объектно-ограничительными, в частности выделительными, отношениями, в которых дат. падежом управляют прилагательные с суф. *-lan -ten*: ср.-монг. *herekai-tur hončitan* [11, § 139] «отличающиеся силой в большом пальце (о лучниках)», ойрат. *erdem-du duratan* [17, с. 40] «влюбленный в знание, науку». В современных монгольских языках в такого рода словосочетаниях употребляются прилагательные на *-тай / -тэй* (калм. *-та / -тэ*), например: монг. *хөгжимд авьяастай* «способный к музыке», бурят. *ажалда дуртай* «трудолюбивый», калм. *олнд туста* «полезный обществу».

Особенностью адъективных словосочетаний с причастием буд. времени в среднемонгольском и классическом является то, что прилагательное могло управлять местн. падежом причастия: *ebdekii-e berke* [15, II, с. 101] «трудный для разрушения». В памятниках классического монгольского и ойратского языков встречается также словосочетания, в которых прилагательное управляет причастием буд. времени без падежного показателя. В современных монгольских языках прилагательное обязательно требует дат. падежа причастия. Ср.: классич. *asaraqı kilbar* [15, I, с. 160] «нетрудный для прокормления, содержания» (монг. *асрахад хялбар*), ойрат. *düirgekiı kilbar* [17, с. 134] «легкий для наполнения» (монг. *дүүргэхэд хялбар*), *temeseekiı duratai* [17, с. 42] «любитель состязаться, бороться» (монг. *тэмцэхэд дуртай*), калм. *медхд сонь* «интересный для знания, интересно знать».

Лишь в единичных случаях наблюдаются адъективные словосочетания с причастием буд. времени в других падежах — родительном, исходном и орудном: бурят. *түрэлтийн нохор*, монг. *төрхөөрөө сохор*, калм. *төрхэрэ сохр* «слепой от рождения», монг. *харахаас муурай* (*эгдүүтэй*) «безобразный, омерзительный на вид». Однако здесь синтаксическая связь управления настолько ослаблена, что можно квалифицировать ее как падежные примыкания: формы *түрэлтийн*, *төрхөөрөө* и *төрхэрэ* «от рождения, с рождения», *харахаас* «на вид, с виду» являются застывшими и осознаются как наречные слова.

Известно, что сравнительно-выделительные отношения могут выражаться в монгольских языках тавтологическими адъективными словосочетаниями, состоящими из зависимого прилагательного в исх. падеже и управляющего прилагательного. Посредством такого сочетания одного и того же прилагательного выражается высшая степень признака предмета, выделенного из круга сравниваемых с ним. Данный тип словосочетаний является одним из древнейших. В частности, он находит свое отражение в «Сокровенном сказании», где управляющее прилагательное могло принимать показатель мн. числа: *qalaun-ača qalat* [11, § 254] «горячее горячего», *buleen-eče bulet* [11, § 254] «теплее теплого».

В современных монгольских языках данная модель представлена широко, но в них управляющее прилагательное лишилось способности присоединять суф. -т. Ср.: монг. *өндөрөөс өндр* «высокий из высоких», *илгээ их* «большой из больших», бурят. *харааа хара* «черный из черных», калм. *жууһас му* «плохой из плохих».

Адъективные словосочетания с именем существительным в соединительном падеже лексически ограничены со стороны управляющих прилагательных и свойственны не всем монгольским языкам. Они употребляются в среднемонгольском, классическом монгольском, ойратском письменном и калмыцком языках. Данная модель выражает объектно-сравнительные отношения, реализация которых осуществляется главным образом с участием прилагательных *сагау*, *адали* «одинаковый, равный»: ср.-монг. *ere-lue saǰau* [11, § 21] «равный с мужами» (ср. классич. *ere lüge saǰau* [15, I. с. 193]), ср.-монг. *küün-lue saǰau* [11, § 211], (ср. классич. *kümun-lüge saǰau* [15, I с. 193]) «с людьми равный, одинаковый», ойрат. *adousun-luǰa adali* [17, с. 24] «подобный животному, как животное» (ср. калм. *адусна адл*).

В современном калмыцком языке прилагательное, управляющее соединительным падежом, под влиянием соответствующих моделей русских адъективных словосочетаний расширяет сферу своего функционирования, поэтому конструкции с соединительным падежом, выражающие объектно-определяющие отношения с оттенком ограничения, количественно возрастают: *эмнэлэ ээлтэ* «обходительный с людьми», *бичкүдүдлэ (бичкүдүдтэ) таалта* «ласковый с малышами». В калмыцком языке сохраняется малопродуктивная модель адъективных словосочетаний, в которых управляющие прилагательные распространяются существительным в предельном падеже, по своему значению близко стоящим к наречию: *өвдгэцэ гүн* «глубокий до колена», *ээмцэ өндр* «высокий до плеч».

Изменения в системе глагольных словосочетаний. Материал письменных памятников свидетельствует о том, что в среднемонгольском и классическом монгольском языках употребление глагольных словосочетаний с именем существительным, оформленным показателем вин. падежа, было преобладающим. Ср.: ср.-монг. *čeriǰi jasa-* [14, с. 132] «выстроить войско» (монг. *цэрэг жагсаах*), *тоуайи абала-* [14, с. 93] «охотиться на змей» (монг. *могой авлаах*), классич. *širxaji boǰo-* [31, с. 249] «перевязывать рану» (монг. *шарх боох*), *xural-i xuralduǰul-* [31, с. 218] «созывать собрание» (монг. *хурал хуралдуулах*).

В текстах памятников среднемонгольского и классического монгольского языков наблюдается немало примеров, когда слова с неустойчивым -и при употреблении их в функции прямого дополнения могут выступать в полной и неполной основе, принимать или не принимать показатель вин. падежа: *okin-i'oki iile-* [11, § 66] «увидеть девушку», классич. *miǰan-i/miǰa čina-* [15, I с. 111] «варить мясо», *modun-i/modu qadqa-* [27, с. 401] «воткнуть палеку». Отдельные глаголы в среднемонгольском и классическом монгольском обладают свойством управлять вин. падежом, тогда как в современных языках они управляют либо основой, либо дат.-местн. падежом, например: ср.-монг. *minke tenker-i talbari-* [11, § 240] «молиться вечному синему небу» (ср. монг. *мөнх тэнгэрт залбирах*), *Qubǰaya-i ubulǰe-* [11, § 151] «зимовать в урочище Хубахая» (ср. монг. *Хубахаяд өвөлжих*).

Глагольные словосочетания с управляемым именем в местн. падеже представлены в среднемонгольском. Значительное распространение получили они в классическом монгольском, включая и старобурятские тексты:

ср.-монг. *saylar modun-a bayu-* [11, § 206] «остановиться под развесистым деревом», *γafara ni'ū-* [14, с. 257] «спрятаться в землю», классич. *qošiγun-a sayu-* [32, с. 251] «жить в хошуне», *usular-a küre-* [15, I, с. 137] «достигнуть (места) водопоя». Что касается памятников ойратского письменного языка, то в них словосочетания данного типа обнаруживаются крайне редко, главным образом в составе устойчивых словосочетаний, например, *kümine γaryafi ökü-* [20, с. 47] «выдавать замуж».

Глагольные словосочетания с зависимым именем в местн. падеже унаследованы лишь современным литературным монгольским языком, в котором применение архаичного ныне падежного форманта *-a, -e* ограничивается лишь основами на *-н*. Использование словосочетаний компонентом в местн. падеже привносит явный оттенок книжности. Ср. *tэргэнд сууж очил* и *tэргэнэз сууж очил* «поехать на телеге», *салхинд намирах* и *салхинаа намирах* «развеваться на ветру». Вообще нужно отметить, что словосочетания с зависимым именем в местн. падеже по выражаемым отношениям почти полностью совпадают с аналогичными образованиями, включающими имя в дат.-местн. падеже. Поэтому нередко они выступают как синтаксические синонимы, различающиеся стилистическими нюансами. В этой связи интересно сопоставить употребление такого рода словосочетаний в текстах «Сокровенного сказания» и «Алтан тобчи». В последнем встречаются такие словосочетания, в которых летописец по соображениям стиля переоформляет зависимое имя, употребляя вместо показателей дат.-местн. падежа *-dur/-tur, -dal/-ta* суф. местн. падежа *-a/-e*. Ср.: *busut-tur kilinla-* [11, § 244] — *busud-a kilinle-* [15, II, с. 36] «гневаться на других, остальных», *tumat-ta barigda-* [11, § 241] — *tümed-e bariyda-* [15, II, с. 24] «бить схваченными (пленными) туметами».

В современных монгольских языках отсутствуют глагольные словосочетания, в которых подчиненное слово в дат.-местн. падеже обозначает лицо, вместе с которым совершается действие. Ср.: ср.-монг. *Jelme-tur neilen ire-* [11, § 120] «прибыть, соединившись с Джэлэм», классич. *Yisügei bayatur-tur qanila-* [15, I, 112] «дружить с Есугей-багатуром», *mayu kümün-dür učira-* [15, I, с. 56]. «встретиться с плохим человеком». Для современных монгольских языков показательны глагольные словосочетания с управляемым именем в совм. или соед. падежах, как, например, в калмыцком: монг. *бүсгүйтэй уулзах* «повстречаться с девушкой», бурят. *нүхэртэй ябаха* «идти с товарищем, другом», калм. *күүкдэл наадх* «играть с детьми».

Очень специфичны по значению некоторые глагольные словосочетания с существительными в соед. падеже, встречающиеся в таком памятнике среднемонгольского языка, как словарь «Мукаддима́т ал Адаб» (XIV в.). Здесь имеют место словосочетания, в которых имя в соед. падеже обозначает предмет как орудие действия: *jidalā qatqu-* [14, с. 290] «пронзить копьём», *qalqanla'ā saqi-* [14, с. 290] «защищаться щитом», *quduγās temēnlē usun tata-* [14, с. 308] «таскать воду из колодца при посредстве верблюда». Подобные словосочетания функционируют лишь в баоанском и монгорском языках, где соед. и оруд. падежи имеют один и тот же суф. *-ла, -валэ* [30, с. 75, 112]: *тарла бавагу* «ударить камнем», *чэмбибалэ нэбжэгу* «писать карандашом».

В среднемонгольском языке большое распространение получили глагольные словосочетания с зависимым именем в двойном дат.-исх. падеже: *jerke-deče qarqā-* [11, § 108] «удалить из строя», *eke ečiγe-deče qočira-* [11, § 201] «остаться без родителей», *jukel-deče qarqā-* [11, § 44] «отстранять от участия в родовых жертвоприношениях».

В памятниках классического монгольского языка употребление глагольных словосочетаний с именем в дат.-местн. падеже стало ограничиваться. Однако в тексте «Алтан тобчи», в котором довольно много архаизмов, характерных для более раннего периода, и сохраняющем языковые особенности оригинала, т. е. «Сокровенного сказания» [33], глагольные словосочетания с именем в дат.-исх. падеже представлены очень широко [3, с. 52—53]: *bosuy-a-dača odu-* [15, I, с. 85] «покинуть порог (родного дома), уйти из дома», *Jamya-dača ilü qayāča-* [15, I, с. 68] «не расставаться с Джамухой», *Borogün you-đača törö-* [15, I, с. 7] «родиться от Борогчингоа», *eke-deče asaγu-* [15, I, с. 66] «спрашивать у матери».

В современных монгольских языках наблюдаются лишь единичные примеры глагольных словосочетаний с зависимым существительным в форме дат.-исх. падежа: монг. *гэртээ гарах* (ср. бурят. *гэртэһээ гараха*, калм. *гертэс харх*) «выходить из дома», калм. *хартасн алдх* «выпустить, выронить из рук». В калмыцком языке по сравнению с монгольским и бурятским очень ограничены в своем употреблении глагольные словосочетания с зависимым именем в орудн. падеже, которое выражает значение соучастия в действии: монг. *ардаар хуралдах* «проводить собрание с участием народа», *нэгдөөрөө уулзах* «встречаться с друзьями», бурят. *хунгагшадаар хөөрөлдэхэ* «беседовать с избирателями», *хүнүүдээр замта гараха* «выходить вместе с людьми». Ср. калм. *гэр-бүлэрни ирх* «прійти всей семьей».

Высокой продуктивностью в среднемонгольском и классическом монгольском отличались словосочетания с деепричастием цели на *-ra/-re*: ср.-монг. *koreelere qar-* [11, § 12] «выйти поохотиться», *Temu'in-i abura ire-* [11, § 69] «приехать, чтобы взять Темучжина», классич. *alba sang-i quriyara eči-* [15, II, с. 120] «отправиться за сбором подати, дани», *xaldar-a dobtul-* [31, с. 221] «нападать с целью вторжения».

Из современных монгольских языков словосочетания с целевым деепричастием на *-ла/-лэ* (<*-ra/-re*) сохраняются только в баоаньском, дунсянском и монгорском языках: *гэр нджэлэ рэджо* «пришел посмотреть дом», *уилэ килэ рэсэн кун* «приехавший работать человек» [30, с. 102, 120]. В халха-монгольском и калмыцком языках обстоятельно-целевые отношения выражаются словосочетаниями с деепричастием на *-хаар* (калм. *-хар*), а в бурятском языке — словосочетаниями с деепричастиями на *-хаяа*: монг. *зугаалхаар явах* «отправиться погулять», калм. *маа усл-хар харх* «выйти напоить скот», бурят. *амархаяа хууха*: «присесть отдохнуть».

Модель с деепричастием на *-гил* имеет место в памятниках среднемонгольского и классического монгольского языков, где она выражает обстоятельственные отношения со значением причинности: *umdaqasurun bayu-* [15, I, с. 31] «испытывая жажду, остановиться», *alagurun burudfu od-* [15, I, с. 112] «бежать из опасения быть убитым». Подобные словосочетания не сохранились в современных монгольских языках.

Изменения в системе послеложных словосочетаний. В монгольских языках для синтаксической связи слов наряду с падежами широко используются послелоги. Они активно участвуют в формировании именных, адъективных и глагольных словосочетаний. Остановимся на отдельных субстантивно-послеложных и глагольно-послеложных словосочетаниях, которые либо претерпели определенные изменения в процессе их функционирования, либо вообще вышли из употребления. Так, например, только в языке «Сокровенного сказания» находим словосочетания, в которых послелог *metü* со значением уподобления и

сравнения употребляется в форме мн. числа, согласуясь с существительным, которое также принимает показатель множественности: *narat metüs deuner* [11, § 245] «соснам подобные братья». Ср. классич. *külüg metü dörben köbegüd* [15, II, с. 99] «четыре юноши, подобные иноходцам, как иноходцы». Особенностью ойратского языка является способность послелога *metü* сочетаться с полной основой местоимения, тогда как в других языках он управляет род. падежом: ойрат. *ši metu amitan* [17, с. 56], монг. *чиний мэт амьтан*, бурят. *шинии мэтэ амитан* «существо, подобное тебе». Послелог *metü* часто употребляется с причастием буд. времени, выражая сравнение с оттенком предположения, допущения, что наиболее характерно для старокалмыцкого языка: *aixu metü aibirital* [18, с. 1] «ужасно страшный, такой, что можно испугаться», *aixim metu caküül cereg* [18, с. 1] «вызывающая страх грозная охрана». Ср. бурят. *айха мэтэ шарай* «устрашающее лицо».

Словосочетания с послелогом *tedüi* «с, величиной с» встречаются в текстах «Сокровенного сказания», «Алтан тобчи» и унаследованы современным монгольским языком, где данный послелог также управляет род. падежом имени: ср.-монг. *šia-in tedüi nodun* [11, § 59] «сгусток крови величиной с алычи», *qošiliq-un tedüi kuru* [11, § 80] «камень величиной с юрту», классич. *alayan-u tedüi yaïar* [15, I, с. 95], монг. *алганы төдий газар* «место величиной с ладонь».

В среднемонгольском и классическом монгольском языках словосочетания с послелогом *tula*, *tulada* «так как, потому что; для, ради, за», управляя именем, а также причастием буд. времени в род. падеже или в форме основы, выражали не только причину, но и цель действия, назначение предмета: *qoninu tula moduniär ĩasaqsan qotan* [14, с. 302] «загородка, устраиваемая из жердей для овец», *nabčini qonin tulada gübi* [14, с. 172] «грясти листья для овец». Для современных монгольских языков конструкции с послелогом *тул* и *тулда*, выражающие целевые значения, не свойственны. В современном монгольском и бурятском языках очень употребительны послелоги *тул*, *тулда* (бурят. *тула*, *туладаа*) в функции причинных союзов, сопровождающих сказуемые зависимой части: монг. *Огторгуйд хужсан чинээн үүлгүй тул*, нар *гүчтэй шарна* «Так как на небе нет ни малейшего облачка, солнце палит нещадно» [34].

В словосочетаниях среднемонгольского и классического монгольского языков послелог *kürtele* «до» способен управлять местн. и дат.-местн. падежом, тогда как в словосочетаниях современных языков послелог *хүртэл* (бурят. *хүртэр*, калм. *күртл*) управляет основой: монг. *заалаа хүртэл очих* «идти до ворот», бурят. *һүүл хүртэр уншаха* «читать до конца», *киллэ күртлэн норх* «промокнуть до рубашки». Ср.: ср.-монг. *уигүй иуигү-а күртеle даргала-* [11, § 169] «освободиться от налогов до потомка потомков», *qotoan-tur kürtele hulde-* [11, § 195] «преследовать до самого хотова-поселения», классич. *čimegen-düi ni kyrtel-e nūkele-* [31, с. 72] «продырявить вплоть до самого костного мозга».

В некоторых бурятских словосочетаниях послелог *хүртэр* еще напоминает о своем глагольном происхождении (*kür-* «достигать, доходить») тем, что как и в среднемонгольском, и в классическом, может управлять дат.-местн. падежом: *газарта хүртэр нуугылгаха* «наклонить так, чтобы касалось земли, нагибать до земли», *гэртээ хүртэр гүйхэ* «бежать до своего дома».

Итак, обобщая указанные выше явления, можно утверждать, что диалектический подход к материалу и регулярное сопоставление данных письменных памятников с соответствующими фактами живых монгольских

языков и диалектов дают возможность в той или иной мере проследить характер их структурно-типологических изменений, в частности не уров не синтаксиса словосочетаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Самжиев Г. Д.* Б. Я. Владимирцов — исследователь монгольских языков // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. М., 1958. С. 28—29.
2. *Street J.* The language of the Secret History of the Mongols. New Haven, 1957.
3. *Орловская М. Н.* Язык «Алтан тобчи». М., 1984.
4. *Haensch E.* Grammatiche Besonderheiten in der Sprache des Monhol-un Niuca Tobc'can // StO. 1950. V. XIV. № 3.
5. *Mostaert A.* Sur quelques passages de L'Histoire secrète des Mongols // HJAS. 1953 V. XIII.
6. *Pelliot P.* Un passage altéré dans le texte mongol ancien de L'Histoire secrète des Mongols // TP. 1930. V. XXVII. № 2—3.
7. *Орловская М. Н.* Употребление причастий в «Сокровенном сказании монголов» // Филология и история монгольских народов. М., 1958.
8. *Гадамба М.* Монголын нууц товчооны «Шинчи Байан» гэдэг үгийн учирт // Этнографийн сулал. Улаанбаатар, 1969.
9. *Пюрбеев Г. Ц.* Из наблюдений над фразеологией языка «Сокровенного сказания монголов» // Исследования по восточной филологии. М., 1974.
10. *Doerfer G.* Beiträge zur Syntax der Sprache der Geheimen Geschichte der Mongolen // SAJ. 1955. V. I. № 4.
11. *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Юань чао би ши. М.; Л., 1941.
12. *Cleaves F.* The sino-mongolian inscription of 1346 // HAJ. 1951 V. XV. № 1—2 P. 53.
13. *Тодеев Б. Х.* Дагурский язык. М., 1986. С. 53.
14. Алтан тобчи. Монгольская летопись XVII в. Кн. I—II. Улаанбаатар, 1937.
15. *Поппе Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Ч. I—II. М.; Л., 1938
16. *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII—XIV вв. Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978.
17. *Лусанбаалан Х.* Тод үсгийн дурсгалууд. Улаанбаатар, 1976.
18. *Поддеев А.* Калмыцко-русский словарь. СПб., 1911.
19. *Цэдэндамба Ц.* Грамматическая характеристика причастий и их структурно-семантические особенности в современном монгольском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. С. 10.
20. Их цааз. Памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст / Транслитерация, перевод, введение и комментарии Дылыкова С. Д. М., 1981
21. *Поппе Н. Н.* Грамматика письменного-монгольского языка. М.; Л., 1937. С. 64.
22. *Рамstedt Г. И.* Введение в алтайское языкознание. М., 1957. С. 112.
23. *Бертагасов Т. А.* Лексика современных литературных монгольских языков. М., 1974. С. 153.
24. *Абашев Д. А.* Тункинский говор // Исследования бурятских говоров. Вып. 1. Улан-Удэ, 1965. С. 19.
25. *Митрошкина А. Г.* Говор качутских бурят // Исследования бурятских говоров. Вып. II. Улан-Удэ, 1968. С. 55—56.
26. *Пюрбеев Г. Ц.* Согласование как грамматический прием в истории монгольских языков // V Международный конгресс монголоведов: Докл. советской делегации. М., 1987.
27. *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972.
28. *Шагдаров Л. Д.* Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ, 1974. С. 314.
29. *Тодеев Б. Х.* Язык монголов Внутренней Монголии. Очерк диалектов. М., 1985.
30. *Тодеев Б. Х.* Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960.
31. *Черемисов К. М., Румянцев Г. Н.* Монголо-русский словарь (по современной прессе). М., 1937.
32. Халха джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в. / Сводный текст и перевод Жамцарано Ц. Подготовка текста к изданию, редакция перевода, введение и примечания Дылыкова С. Д. М., 1965.
33. *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи («Золотое сказание») / Перевод с монгольского, введение, комментарий и приложения Шастиной Н. П. М., 1973. С. 43.
34. *Пюрбеев Г. Ц.* Типы сложных предложений в монгольских языках. М., 1979. С. 75—76.